

РЕФОРМЫ 1990-Х ГОДОВ И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (к 20-летию экономических реформ)

Автор: Р. Х. СИМОНЯН

СИМОНЯН Ренальд Хикарович - доктор социологических наук, руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН (E-mail: sim@isras.ru).

Аннотация. В статье рассматривается важнейший общественный итог экономических реформ - возникшая в России новая социальная структура общества.

Ключевые слова: двадцатилетие реформ • приватизация • социальное расслоение • бедность • олигархия • бюрократия • средний потребительский слой

2 января 1992 г. правительством Е. Гайдара были отпущены розничные цены на товары массового спроса. С этой даты начинается отсчёт российских экономических преобразований. При оценке их итогов необходимо подчеркнуть, что по сравнению с советским прошлым сегодня преодолена изоляция страны от внешнего мира, жители России могут свободно выезжать за рубеж, уничтожена цензура, отвергнута идеология уравнивания, раскрепощена частная инициатива, ликвидирована административно-командная система с неизбежным возникновением в обществе естественных рыночных регуляторов. 6 марта 1990 г. был принят новый Закон о собственности, и в России был восстановлен институт частной собственности, после чего появились коммерческие банки, был разрешён валютный обмен. В этом смысле россиянам жить стало лучше. Но всё это произошло ещё до гайдаровских реформ.

Что же касается реформ правительства Е. Гайдара, то невозможно представить дальнейший переход в рыночную экономику без таких обязательных, родовых её элементов, как либерализация цен, товарные и фондовые биржи, развитие рынка ценных бумаг и т.п., **независимо от того, кому было поручено это осуществлять.** В создании форм рыночной инфраструктуры российские реформаторы реализовали общеизвестную экономическую аксиоматику, сделали то, чего нельзя было не сделать, что было продиктовано не чьей-то персональной идеей, а заданной процедурой. Во всех постсоциалистических странах был проведён демонтаж планово-распределительной экономики, в каждой из этих стран были преодолены свои специфические трудности и восстановлены рыночные регуляторы. Товарный дефицит исчез во всех государствах "социалистического лагеря", отказавшихся от планово-распределительной экономики. И в этом смысле жизнь во всех этих странах также стала лучше. Но только в России обязательные атрибуты рыночного хозяйства преподносятся в виде "заслуг" реформаторов. Существует общая логика событий, а иногда даже и обычная типовая, рутинная процедура выполнения конкретной задачи. Но точно так же существуют и политики, которые стараются поставить нормальное подчинение этой логике себе в заслугу. Да, жизнь стала другой, сегодня её атрибутами являются сотовые телефоны, ноутбуки, мониторы на жидких кристаллах, цифровое телевидение, скайп, беспроводной Интернет, смартфоны и многое другое. Завтра свет увидят новые достижения

мирового технического прогресса, что (неважно, прямо или косвенно) можно выдавать за следствие реформ 1990-х гг.

В то же время **способ** проведения реформ, выбор **экономической модели** действительно оказали огромное влияние на внутреннюю жизнь российского государства, кардинально затронув все её стороны и определив перспективы долгосрочного. Нынешняя Россия во многом - результат деятельности реформаторов 1990-х гг.¹

Хозяйственно-экономические итоги реформ нашли своё отражение в многочисленных работах как российских, так и зарубежных экономистов. Их выводы сводятся к происшедшему за эти годы превращению России в сырьевой придаток теперь уже не только Запада, но и Востока. Если в 1989 г. в нашем экспорте товары с высокой добавленной стоимостью составляли 38,7%, то в 2010 г. - 4,7%.

Ежегодно естественная убыль населения России составляет 520 - 550 тыс. человек. 24 сентября В. Путин в своём докладе на съезде партии "Единая Россия" говорил уже об 1 млн. человек. Исследования демографов показывают, что реформы и здесь дорого обошлись нашей стране: более двух третей всех причин нынешней депопуляции россиян связаны с резким ухудшением здоровья нации, снижением качества медицинского обслуживания, возвращением давно забытых болезней.

Безрадостны результаты реформ в духовной и нравственно-психологической сфере общества. 1990-е гг. деформировали базовую ценностную модель россиян. Процесс духовной деградации общества, начавшийся тогда, вызывает растущую тревогу среди российской культурной элиты. Криминальная приватизация подняла мощный вал преступности. Уже к середине 1990-х гг. некоторые преступные группировки были известны в стране не меньше, чем новые банки и корпорации.

Все перечисленные аспекты российской реформации тех лет в целом вполне объективно оценены как академическим сообществом, так и широкой общественностью. В то же время существует сфера общественных отношений, оценка многих аспектов которой вызывает острую полемику.

Это - состояние социальной структуры общества. Данная область человеческой деятельности более доступна для идеологизации, критерии оценок здесь менее конкретны, поле для объективных, в том числе и статистических, измерений ограничено, преобладают пропагандистские установки. Поэтому вопрос, что Россия получила в результате реформ 1990-х гг. в этой важнейшей сфере общества, заслуживает более подробного анализа.

Общая характеристика нынешнего социума. Во-первых, уже в начале 2000-х произошла атомизация общества, утрата населением традиционных форм солидарности, коллективизма. Характеристики нынешнего российского социума как аморфного и разрозненного находят отражение в нашей литературе. Высокая готовность конструктивно участвовать в социальных преобразованиях, которая была у многих в конце 1980-х - начале 1990-х, после первых лет реформ сменилась индифферентностью, массовой ностальгией по советским временам. Люди не видят для себя возможности контролировать или как-то влиять на ситуацию за пределами жизненного пространства. В результате реформ отчуждение населения от власти, характерное для тоталитарного режима, было не только не преодолено, но стало более значительным. "Как человек, который с 1990 года участвует в государственном управлении в России, - свидетельствует директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук Михаил Делягин, - могу сказать, что за 7 лет наши демократы оторвались от основной массы населения гораздо сильнее, чем коммунисты за прошедшие 70 лет!". Сегодня самоидентификация в кругу близких на порядок выше идентификации с большими социальными общностями. Эта ломка идентитета - эффект событий 1990-х гг. К этому следует добавить то обстоятельство, что в памяти народа долго

---

¹ В издаваемом при поддержке Всемирного Банка журнале Академии народного хозяйства и Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара в редакционной статье подчеркнуто, что "Егор Гайдар - это человек, который создал современную Россию" (Экономическая политика. 2009. N 6. С. 5).

будет ещё сохраняться горькое осознание того, чем закончился его порыв в конце 1980-х - начале 1990-х гг. к общественным переменам. На общественное настроение, возникшее после 1990-х, оказали решающее влияние даже не материальные потери, как бы они ни были велики, а обман. Для сознания русского человека духовно-нравственная ценность традиционно более значимая категория, чем ценность материальная. Ограбление со временем может забыться, но публичное унижение - глубокий психологический шрам, который постоянно напоминает о себе. Как писал в этой связи М. Вебер, "нация простит ущемление её интересов, но не простит оскорбление её достоинства". Проведённое в мае 2011 г. исследование по общероссийской репрезентативной выборке ИС РАН под руководством М. Горшкова показало: доля россиян, которые считают, что реформы были проведены во благо страны, по-прежнему исключительно мала - всего 6%.

Решение задачи по индоктринированию массового сознания, как показывает практика, в условиях атомизированного общества, усталого и безразличного населения, и отсутствия сколько-нибудь серьёзной оппозиции для нынешней авторитарной власти, не представляет каких-либо трудностей. Общество постепенно отучили размышлять. Эта усиливающаяся тенденция принимается без возражения и им самим, так как осознание происшедшего приводит к глубокому психологическому дискомфорту. Массовое сознание инстинктивно отторгает какой-либо анализ происходящего в России.

Во-вторых, тотальная коррумпированность общества, захватившая все сферы отношений государство-индивид. Внезапное возникновение на месте СССР коррумпированного государства будоражит умы наших соседей по Восточной Европе. В качестве основного фактора появления этого политического феномена наши европейские соседи считают российскую приватизацию. Вот, например, как это, подчёркивая жирным шрифтом, объясняет взрыв коррупции в пореформенной России директор Института социологии Венгерской академии наук П. Тамаш: "В отличие от постсоциалистических стран в России новый порядок сложился **не в результате слома государства, а в результате именно специфической приватизации**. Система, которая всегда окружала и защищала государство, была отключена". В "специфической" приватизации - главное отличие экономических преобразований в России от постсоциалистических государств Европы.

Коррупция стала органическим элементом государственного устройства и одним из основных показателей деморализации общества. По данным Transparency International, по уровню коррупции Россия в 2008 г. занимала уже 147-е место из 170, находясь на одном уровне с Кот д'Ивуаром, Танзанией и Зимбабве. "Предполагалось, что молодые демократы наведут в России порядок, разработают соответствующую правовую систему и дадут зелёный свет рыночной экономике, - пишет автор документальной книги о реформах в России Пол Хлебников. - Вместо этого они возглавили режим, который оказался одним из самых коррумпированных в истории человечества" [Хлебников, 2001]. Масштабы коррупции постоянно возрастают- механизм, созданный в 1990-х, набирает ход. В июле 2005 г. "Известия" опубликовали данные фонда ИНДЕМ и социологической службы "РОМИР мониторинг", которые показывают, что за четыре года после ухода Б. Ельцина объём рынка коррупции продолжал расти и более чем в 2,5 раза превысил величину федерального бюджета. Если в начале первого срока путинского правления только 14,7% россиян считали, что именно сейчас происходит самый пышный расцвет взяточничества за всю историю страны, то в 2005 г. так думали уже 43,4% населения. "За время президентства Владимира Путина власть резко усилила коррупционное давление на граждан, - констатировал руководитель ИНДЕМ Г. Сатаров. - Под гомон призывов бороться с коррупцией её объём в сфере отношений власти и бизнеса вырос в 9 раз - с 36 до 318 млрд. долларов в год" [Известия, 2005]. По данным интервью, проведённым социологами в 2006 г., для получения места члена Совета Федерации нужно было заплатить около 2 млн. долл. [Барсукова, 2006]. В ноябре 2006 года Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка вынужден

был признать, что "коррупция пронизывает все уровни власти и наносит удар по всей социальной системе" [Новая газета, 2006].

Нынешняя тотальная коррупция - всего лишь одна из многих эксклюзивных болезней, возникшей 20 лет назад общественной системы, но зато наиболее бросающаяся в глаза, широко обсуждаемая, и, что унижительно для России, создающая образ страны.

В-третьих, в массовом сознании 1990-е гг. являются периодом, когда в России был совершён коррупционный прорыв и не был совершён прорыв модернизационный. Невроз идентичности, вызванный примитивизацией экономики, отсутствием за все пореформенные годы каких-либо попыток модернизации производства, не мог не привести к определённой ущербности общественной психологии. Как и всякая социальная травма, модернизационная несостоятельность нашей страны породила множество внутренних коллективных мифов, закрепивших нерешённые проблемы и комплексы ущемлённости, социально-культурной неполноценности, фатальной отсталости. Невозможность "вхождения в Европу", продемонстрированная постсоветским периодом, создала ложное самопредставление этноса о роковой его неспособности к модернизации, вечном отставании. Если 1920-е (индустриализация) и 1950-е гг. (научно-технические достижения мирового уровня) дали российскому этносу увидеть реальный модернизационный порыв и показали способность нации к нему, то 1990-е показали обратное. И, к сожалению, многих даже убедили в этом. Поразившее общество нынешнее неверие в способность страны к модернизации - это ещё одна травма, нанесённая реформами 90-х.

В-четвёртых, в процессе перехода СССР в постиндустриальную стадию в его социальной структуре в 1970 - 1980-е гг. произошли значительные изменения. Стали накапливаться если не элементы, то определённые предпосылки образования гражданского общества - появление большого слоя преподавательской, технической и научной интеллигенции, управленческого персонала среднего звена, деятелей культуры. А к началу 1990-х гг. в России сложился достаточно многочисленный средний класс, не только активный политически (масштабы митингов в Москве, Ленинграде, Свердловске и др. городах это показали), но и экономически (что подтвердило кооперативное движение конца 1980-х гг.). В этот класс входили многочисленные группы интеллигенции и высококвалифицированных рабочих, объединённые общественно-значимыми целями, сознанием общих интересов, и, как показала практика, представляющие в своей солидарности серьёзную политическую силу. Их интеллектуальный и творческий потенциал в масштабах общества был уж никак не меньше, чем в социалистических странах Восточной Европы. Характерными чертами многих представителей этого класса были не только общественный авторитет, высокий уровень образования и денежных доходов, но и самостоятельность мышления, высокая самооценка и соответствующее чувство собственного достоинства, способность противостоять внешнему давлению. Особенно была заметна его роль в крупных промышленных городах. Именно социальная энергия этого класса, вырвавшаяся наружу в конце 1980-х - начале 1990-х гг., создала необходимые общественные условия для начала кардинальных политических и экономических преобразований в стране. Парадокс состоит в том, что один из главных факторов успешного перехода к либеральному рынку и демократическому государству, - творческий ресурс среднего класса - вместо того, чтобы быть использованным, оказался в России невостребованным, а в дальнейшем разрушенным. Особенно глубокую травму получила интеллигенция, которая, наивно поверив реформаторам, практически утратила свой моральный статус в обществе, оказалась в состоянии своеобразного социально-психологического нокдауна. Очевидный упадок этой социальной группы фиксируют многие исследователи. "Сегодняшнее острое ощущение деградации слоя "культурных людей", "интеллигенции", "образованного сообщества" и т.п., произошедшей в последние 15 лет, - пишет руководитель Левада-Центра Л. Д. Гудков, - связано не только с фактической утратой ими авторитета, их "неслышностью", или невлиятельностью в рыночной экономике... Широко

распространённое принятие, если не одобрение, ельцинского, и в ещё большей степени - действующего режима лишило интеллигенцию внутреннего самооправдания..., морального смысла существованию образованных" [Гудков, 2008].

В-пятых, наблюдается эмиграция наиболее активной части населения из России, что неминуемо отражается на качественном составе общества. Спустя год-полтора после начала реформ, когда для наиболее просвещённой части россиян стал ясен их исход, страну стали покидать тысячи специалистов с высшим образованием, начался процесс, который получил название "утечка мозгов". Целый ряд российских вузов в последние годы готовит кадры фактически на экспорт. Государство теряет человеческий капитал в лице дипломированных специалистов, не нашедших работу по специальности в России, и наращивающих теперь научный и технический потенциал других стран. Всего, по свидетельству директора фонда "Русский мир" Вячеслава Никонова, только в странах Евросоюза в 2008 г. количество проживающих русских достигло 10 млн. [Никонов, 2009]. Вряд ли справедливым будет предположение, что это самая необразованная и неинтеллектуальная часть русского этноса. Но даже если бы и не самая лучшая его часть, то всё равно это огромные потери, ведь каждый человек, кроме непреходящей, вечной, представляет собой ещё и экономическую ценность. И если страну покинуло 10 млн. человек, она обеднела не только духовно, но и экономически. По данным всероссийского опроса, проведённого Левада-Центром в мае 2011 г., на вопрос "Хотели бы Вы уехать за границу на постоянное жительство?" утвердительный ответ дали 33% специалистов, 53% предпринимателей и 54% учащихся и студентов [Гудков, 2001].

И, наконец, в-шестых. Реформы 1990-х гг. буквально выкосили настоящих профессионалов из многих областей общественной жизни. На смену им пришли дилетанты. Были разрушены научные и профессиональные школы. Резкое снижение квалификационного уровня произошло и в рабочей среде. За пореформенный период в стране была практически разрушена система профессионально-технического образования. В 1990 г. в России из общей численности рабочих высококвалифицированных было 38%, а в 2007 г. всего лишь 5% (для сравнения: в передовых странах не менее 40%, в США - 47%) [Труд, 2008].

Социальное расслоение как в странах третьего мира. Во всех восточноевропейских странах после экономических реформ произошла дифференциация общества по критерию доходов. Но социальное расслоение, происшедшее в нашей стране, представляет собой иное качество, если иметь в виду масштабы социальной поляризации общества.

Первый новый общественный феномен, возникший в 1990-х гг., - это многочисленный слой бедных. Российские реформаторы выбрали именно тот вариант реформ, который заведомо обеспечил правящей верхушке обладание всей государственной собственностью, а большинство населения обрек на бедность и нищету. По данным Росстата, численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2010 г. составила 18,6 млн. человек, что составило 13,2% от общей численности населения. Т.е. даже по официальным данным количество бедных в нынешней России эквивалентно населению средней европейской страны. Но эти цифры не отражают реального положения в стране. Бедных в нынешней России значительно больше, чем утверждает официальная статистика. Главным критерием определения уровня бедности выступает прожиточный минимум, установленный на базе минимальной потребительской корзины. "Ни структура, ни в ещё большей степени сама величина прожиточного минимума не соответствуют стоимости набора средств, необходимых для осуществления воспроизводственной и социальной функций доходов, - подчёркивают ведущие научные сотрудники Института экономики РАН Е. Е. Шестакова и Т. В. Соколова. - Объём потребления мяса, рыбы, овощей и фруктов отстаёт не только от норм, принятых в развитых странах, но и от норм бывшего СССР. Официальные наборы норм продовольственных и непродовольственных товаров, включённые в

прожиточный минимум, отражают пожелания экспертов, а не реальные особенности потребления населения" [Соколова, Шестакова, 2008].

Директор Всероссийского центра уровня жизни В. Бобков, отмечая, что официальный прожиточный минимум, учитываемый статистикой при определении числа бедных, явно занижен, приводит не менее обескураживающие данные: в 2006 г. треть населения России составляли бедные, ещё одну треть - низко- и среднеобеспеченные. И только около 10% - состоятельные и богатые [Российская..., 2006]. Спустя год в интервью "Российской газете" он определяет количество бедных в России в 50 млн. человек [Российская..., 2007]. Заниженную величину официального прожиточного минимума фиксируют и социологи. По данным Левада-Центра, в июне 2008 г. (т.е. в период пика мировых цен на нефть) в России прожиточный минимум население оценивает в 2 раза выше его официального уровня, при этом 21,8% населения едва сводит концы с концами, и их доходов не хватает даже на еду, ещё 40,5% балансируют на грани абсолютной бедности, им хватает средств на еду, но не хватает на одежду [Седов, 2005]. Летом 2006 г. сотрудниками Института социологии РАН под руководством директора института чл. -корр. РАН М. К. Горшкова совместно с "Горбачёв-Фонд", по общероссийской репрезентативной выборке, было проведено комплексное исследование социального неравенства. Его результаты показали, что более трети населения России живёт за порогом или на грани бедности, а 7% находятся в состоянии крайней бедности, глубокой нищеты. Ещё 14% бедных фактически также прочно "застряли" в этом состоянии. Кроме того, 17% населения пребывает в состоянии постоянного риска бедности, хотя пока им удаётся удерживаться "на плаву", балансируя на грани бедности и малообеспеченности, и численность этой "группы риска" возрастает [Социальные..., 2008]. Эта негативная тенденция фиксируется социологами на фоне происходящего в последние 10 лет уменьшения во всех регионах мира численности бедных [Гринберг, 2007]. За годы реформ, подчёркивает профессор МГИМО А. Вдовин, реальная заработная плата в России снизилась почти в 2,5 раза, среднедушевой доход - в 2 раза [Вдовин, 2009]. Ещё одну впечатляющую цифру даёт российский "Сити-Банк": в стране насчитывается примерно 1,2 млн. людей, которые активно ищут способы сохранения своих сбережений². И при этом 72,6% (!) населения, по данным Росстата, вообще не имеет сбережений [Труд, 2008]. Т.е. почти три четверти населения России не имеют возможности отложить хоть какие-то деньги на "чёрный день". Чл. -корр. РАН проф. Н. М. Римашевская считает, что в результате экономических реформ 1990-х гг. "проблема бедности как самостоятельная исчезает, замещаясь проблемой экономической разрухи, падения уровня экономического развития и, вследствие этого - жизненного уровня населения в целом. Бедной становится страна в целом" [Римашевская, 2003]. К такому же выводу относительно оценки социальных результатов реформ приходят и другие ведущие экономисты. "В РФ возникла уникальная категория "новых бедных", - считает академик С. Ю. Глазьев, - те группы *работающего* населения, которые по своему образовательному уровню и квалификации, социальному статусу и демографическим характеристикам никогда ранее не были малообеспеченными" [Куда идет..., 2008].

Неадекватные представления о социальной структуре нынешнего российского общества связаны ещё и с тем, что оценки формируются в больших городах, а бедные в России - это чаще всего трудоспособные жители сёл и маленьких городов, имеющие детей. Очень высока доля проживающих ниже официальной черты бедности среди работников образования, культуры и здравоохранения. В стране увеличивается поляризация личных доходов, которая возникла в 1992 - 1995 гг. На её усиление направлено и государственное распределение доходов: и тот, кто получает миллион долларов в месяц, и тот, кто 200 долларов в месяц, платят одинаковый налог - 13%. Отмечаемый с 2000 г. официальной статистикой 10%-ный рост реальных доходов

---

² Эта цифра была приведена в интервью радиостанции "Эхо Москвы" одним из руководителей "Сити-банка" 21 мая 2009 г.

россиян в основном касается небедных социальных слоёв. Так, с апреля 2002 г. по апрель 2003 г. в группе богатых граждан рост среднемесячной прибавки составил 3300 рублей, а в группе бедных - всего 116 рублей [Роик, 2004]. По расчётам, проведённым в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН, в 2007 г., на каждые 100 рублей прироста ВВП в расчёте на душу населения у бедных доход увеличивается на 5 рублей, а у богатых на 200 рублей [Российская..., 2007]. Т.е. в нынешней России, возникшее в начале 1990-х глубокое социальное расслоение усиливается: богатые становятся богаче, а бедные беднее. К этому можно добавить, что в 1999 г. в России было 10 официальных миллиардеров, а в 2008 их стало 111. В России 1% самых богатых получает 40% всех национальных доходов, тогда как даже в США этот же 1% самых богатых располагает лишь 8% [Шкаратан, 2011]. Российские нувориши вышли на лидирующие позиции в мире по скупке недвижимости в европейских столицах и самых богатых курортах, по престижным приобретениям на международных аукционах. Например, доля россиян среди покупателей элитного жилья на Лазурном берегу Франции составляет 12% [Европа, 2010]. Опросы ВЦИОМ свидетельствуют, что большинство россиян или стыдятся того, что Россия занимает второе место в мире по количеству миллиардеров, или испытывают растерянность перед этим феноменом (гордятся только 7%) [Согрин, 2010].

Феодализация и бюрократизация общества. Пореформенная Россия - это не только резкое неравенство доходов, но и неравенство возможностей. То, что выходцам из бедных семей трудно пробиться наверх, недавно признал и премьер-министр В. Путин, сделав "создание социальных лифтов" одной из ключевых задач вновь учреждаемого Агентства стратегических инициатив. Обычно российскому "яблоку от яблони недалеко падает" противопоставляется "американская мечта". Хотя в США уровень неравенства доходов высок, но сами американцы считают, что это неравенство отражает неравенство результатов, а не неравенство возможностей. Иными словами, успеха добиваются те, кто лучше работает, или те, кто более талантлив. У нас дети новой номенклатуры априори обеспечены высокими должностями. Многочисленные факты на эту тему публикуют российские масс-медиа. Отсутствие социальных лифтов (или в традиционной терминологии - кастовость) является бесспорным признаком феодализации современного российского общества.

Возникшая в результате реформ сверхцентрализованная, беспредельно коррумпированная экономика породила нынешнюю вполне феодальную "вертикаль власти" с её огромными социальными привилегиями. Поэтому многие аналитики всё чаще обращаются к феодализму как к наиболее подходящему описанию современной России. Социологи подсчитали, что с января 2000 по май 2006 гг. термин "феодализм" по отношению к нынешнему режиму 892 раза использовался в 50 российских газетах и журналах [Аргументы..., 2009]. Один из наиболее известных советских социологов В. Шляпентох, в 1978 г. эмигрировавший в США, в 2007 г. выпустил фундаментальную монографию "Contemporary Russian as a Feudal Society. A New Perspective on the Post-Soviet Era" ("Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры"), где приводит достаточно убедительную аргументацию в обоснование правомерности термина "феодализм" по отношению к нынешней России. Политолог А. В. Лукин, акцентируя внимание на специфике современного российского феодализма, определяет его как "электоральную клановую систему" [Лукин, 2000].

Ещё одной важной характеристикой изменений в социальной структуре российского общества является его обюрокрачивание. С начала реформ бюрократический слой в обществе стремительно увеличивался. Эта тенденция была неожиданной для многих обществоведов, исходивших из общеизвестного тезиса: частная собственность, пришедшая на смену государственной, не требует существенно меньшего аппарата чиновников. Ведь в условиях производительной деятельности свободных предпринимателей нет необходимости жёстко регламентировать экономические отношения, регуляция во многом осуществляется естественными рыночными механизмами. Но созданная в России макроэкономическая модель, строго говоря, рыночной и не яв-

ляется. Академик Дм. Львов в статье "Экономика абсурда" писал: "Это не рыночная экономика, а худший вариант советской затратной экономики..." [Литературная..., 2005]. Бывший в 1990-х гг. вице-премьер Александр Лившиц в 2005 г. утверждает, что "рынок Гайдара и приватизация Чубайса никакого производительного капитализма не создали, а породили лишь экономическую модель типа Филиппин времён Маркоса или Индонезии времён Сукарно" [Московский..., 2005]. На макроэкономическом уровне никакого свободного рынка в России нет. Сложившаяся в середине 1990-х гг. правящая бюрократия никогда не позволит этого.

Право определяет отношения между равными - правила игры, одинаковые для всех и являющиеся предпосылками установления рыночного соглашения. Это именно то, что обычно называют конкуренцией. Но российская вертикальная организация направлена на то, чтобы избежать этого правила. В России в 1990-е гг. на макроуровне была создана не рыночная, а номенклатурная экономика, обслуживающая власть, обеспечивающая комфортное и политически стабильное, неконкурентное существование самих государственных структур. Российские реформаторы, по мнению директора российских и азиатских программ Института мировой безопасности Н. Злобина, "создали именно ту экономику, которую изначально и хотели создать. Без конкуренции, законов и общественного контроля" [Злобин, 2009]. В этих условиях бурный рост бюрократического аппарата - закономерное явление. Ибо только так можно было смягчать противоречие между созидательным ресурсом общества и антисозидательной деятельностью власти и гарантировать её незыблемость. На эту закономерность ещё в 1964 г. обратил внимание Герберт Маркузе, который подчеркнул, что "конфликт между производственным потенциалом общества и его деструктивным использованием неизбежно ведёт к усилению власти государственного аппарата над населением" [Маркузе, 1994]. Таким образом, Россия, превращаемая в страну чиновников, движется по траектории, начертанной российскими реформаторами в 1990-х гг. По данным "Российской газеты", в СССР на 300 млн. жителей приходилось 410 тысяч государственных служащих, а в современной России на 143 млн. жителей, т.е. на население вдвое меньшее, приходится около 2 млн. чиновников, у которых и зарплата, и пенсии в среднем в 3 - 5 раз выше, чем у других бюджетников [Российская..., 2007]. Исследования, проведённые в 2008 г. Левада-Центром, показали, что самые высокие доходы получают вовсе не предприниматели, а служащие государственных учреждений [Гудков..., 2008]. Бюрократия как привилегированная часть населения - предмет вождения многих молодых россиян. За последние годы самые высокие конкурсы - в те высшие учебные заведения, которые готовят государственных служащих.

Наша экономическая и социологическая периодика наполнена результатами многочисленных упражнений в оценке пропорций и кластеризации групп, "выигравших" от реформ и "проигравших". Сама по себе категория "выигравшие" чрезмерно упрощает сложные процессы происшедших тектонических сдвигов в России и оценку их социальных итогов. Среди тех, кого относят к "выигравшим", существенную часть составляют "приспособившиеся". Но даже в недалёком постсоветском периоде с его тотальным дефицитом предметов потребления разве мало тех, кто, не входя в партийно-хозяйственную или торговую номенклатуру, сумел приспособиться и на фоне остальных, не сумевших приспособиться, выглядел и воспринимался окружающими вполне "выигрышно"? Когда приводятся цифры "выигравших", то возникает вопрос: в чём выигрыш? Вряд ли будет правомерно ограничивать его количеством потребляемых материальных благ. Человеческие потребности на этом не заканчиваются. Даже для многих "выигравших" нынешний упадок России воспринимается очень глубоко. Русский человек всегда высоко ставил государственность. Всё, что связано с величием страны, является для него наиболее приоритетными ценностями. А для представителей малообеспеченных слоёв гордость за свою страну всегда была необходимой и безусловной, а иногда и единственной компенсацией за жизненную неустроенность.

Ещё раз о "среднем классе" и "гражданском обществе"³. "Стержнем экономических реформ, проведённых правительством Гайдара, - пишет академик Т. Заславская, - была приватизация, позволившая новой российской номенклатуре практически бесплатно присвоить основную и наиболее перспективную часть государственной собственности" [Заславская, 2007]. Приватизация 1992 - 1995 гг. создала в России новых собственников и новые отношения собственности. А именно эти отношения в системе общественных отношений являются базовыми. Отношения собственности определяют гражданско-правовую систему, организацию хозяйственного управления, оказывают решающее влияние на ценностные ориентации и установки, на общую социально-психологическую атмосферу в стране и, что очень важно, формируют социальную структуру общества.

Существует огромное разнообразие мнений о наличии среднего класса в России. С достаточной степенью условности их можно свести к трём тезисам: 1) средний класс существует и увеличивается; 2) средний класс существует, но остаётся в зачаточном состоянии; 3) средний класс существует, но является бедным. Вместе с тем начинает преобладать иной подход.

"За прошедшие 15 лет (за исключением редких особей) в России так и не появился класс созидательной буржуазии, - пишет бывший помощник первого президента России Вячеслав Костиков. - Класс, осознающий как свои права, так и обязанности. Большинство "деловых людей" застряли в роли перекупщиков, спекулянтов, рейдеров, теневиков, биржевых игроков, мастеров "слияний и поглощений" и организаторов иных сомнительных услуг. И для них, чем меньше законов ведения бизнеса, тем лучше. Именно поэтому в России и нет ни одной настоящей буржуазной партии" [Костиков, 2007]. Его дополняет О. Гаман-Голутвина: "В нашем обществе по-прежнему нет граждан, а есть лишь подданные. Это в равной степени характеризует и население и представителей нового правящего класса" [Гаман-Голутвина, 2000].

Для категории "средний класс" фундаментальной основой является собственность. Но собственность священна и неприкосновенна только в том случае, если она легитимна. Тогда она вызывает признание в обществе. И только при этом условии частная собственность становится экономической основой гражданского общества. Но подавляющее большинство населения России не принимает итогов приватизации 1992 - 1995-х гг., не считает собственность, появившуюся в результате этой приватизации, легитимной. Да и само государство, по существу, придерживается такого же взгляда и время от времени открыто это показывает. "Право частной собственности носит настолько эфемерный характер, - справедливо полагает директор российских и азиатских программ Института мировой безопасности (США) Н. Злобин, - что в стране нет более запуганных и политически лояльных людей, чем люди с собственностью". Как в Золотой Орде хан давал ярлык на княжество, так нынешние российские собственники, включая олигархов, получали в 1990-х гг. ярлык на владение собственностью. С обезоруживающей откровенностью это признал О. Дерипаска: "Как только Владимир Владимирович скажет, то я тут же всю свою собственность отдам" [Аргументы..., 2008].

Даже если предположить существование в нынешней России какой-то части предпринимательского сообщества, совершенно некриминализованного, или, скажем более мягко, криминализованного в минимальной степени, то судьба его незавидна. Он не может рассматриваться в качестве социального актора. Эта ответственная общественная роль в нынешних условиях ему не по силам. Настроенный на самостоятельность, т.е. проигнорировавший теневые (или полутеневые) структуры, предприниматель с того момента, как только его предприятие начинает эффективно работать, становится лакомой добычей для криминалитета, который рано или поздно овладеет его успешным бизнесом. Методика отъёма приносящих прибыль предприятий у закон-

---

³ По проблеме "среднего класса" автором опубликовано несколько статей в научной периодике, в том числе в "Социсе" ("Средний класс: реальность или социальный мираж". 2009. N 1).

ных владельцев чётко отработана. Чаще всего с помощью или при попустительстве государственных служб ("силовики"). Рейдерские захваты даже крупных предприятий, не говоря уже о средних, - набивший оскомину сюжет современных российских масс-медиа. Бизнес в сфере производства - рискованное в современной России занятие. Зафиксировав место нахождения предприятия, его владелец сразу становится объектом постоянного интереса многочисленных, прежде всего государственных учреждений - муниципальных, полицейских, налоговых, пожарных, санэпидемических, гостехнадзорных, контрольно-ревизионных и т.п., после чего начинаются поборы. И если даже при этих условиях его бизнес является успешным, тогда возникает ещё большая опасность - предприятие могут отобрать.

По существу нынешний российский собственник беззащитен. Ни о какой его независимости и самостоятельности не может быть речи, он не может быть социально-экономической опорой общества, а именно эта функция среднего класса является основополагающей. По показателю защищённости частной собственности Россия среди 130 государств в июне 2011 г. занимала 98-е место [Аргументы..., 2011]. Существует взаимосвязь между средним классом, экономическим развитием и демократией. В отношении конструктивного социального сотрудничества могут вступать только полноценные, уверенные в своём праве собственности, а потому независимые и ответственные за свои поступки **граждане**. Но возникшие в 1990-х гг. отношения собственности полностью исключили такую возможность. В нынешней России нет сообщества законопослушных и независимых предпринимателей.

В любом, даже самом неразвитом обществе существуют те, кто потребляет больше, и те, кто меньше. И, естественно, между ними находится средний потребительский слой, что фиксирует государственная статистика. Но средний потребительский слой - весьма зыбкая социальная прослойка, что особенно характерно для переходных обществ. В силу тех или иных колебаний, например, рыночной или политической конъюнктуры, часть среднего потребительского слоя может выпасть в нижний потребительский слой или, наоборот, подняться вверх. В отличие от общественного класса (социальная категория) потребительской слой (статистическая категория) устойчивостью не обладает, поэтому не может выполнять функцию основы общества, каковую выполняет средний класс. Средний потребительский слой в нынешней России не может осуществлять функцию социального стабилизатора, определённую М. Вебером. Сегодня четверть этого "стабилизатора" склоняется к эмиграции, а три четверти надеются отправить своих детей жить за границу. У среднего потребительского слоя нет ни классового самосознания, ни классовых интересов, ни классовой солидарности, ни других основополагающих признаков класса. Нельзя отождествлять статистическую группировку и исторически сложившееся стабильное социальное образование. Это - принципиально разные общественные категории. За последние 20 лет в России произошла чудовищная концентрация доходов, и коэффициент Джини удвоился. Столь масштабная социальная поляризация в такое короткое время - чрезвычайно редкое явление в новой истории. "Этот феномен недвусмысленен и известен всем, - подчёркивают И. Самсон и М. Красильникова. - Он означает распад среднего класса, если он вообще когда-либо существовал. Поэтому упорство в поисках, анализе и препарировании среднего класса в России - не научный подход, а скорее вера в существование этого класса. Другими словами, российский средний класс - это **миф**" [Самсон..., 2010].

Происхождение и природа новых собственников не только определили их профессиональные качества и роль в социальной структуре общества, но и, в конечном счёте, характер изменений в этой структуре, препятствующий как построению гражданского общества, так и созданию эффективной конкурентоспособной экономики в нашей стране. "Как это ни печально констатировать, - пишет академик ОТ. Богомолов, - но реформы в России сопровождались пагубным расстройством не только экономики, но всей системы общественных отношений" [Богомолов, 2006].

А понятию "средний класс" в нынешней России предназначена идеологическая роль, схожая с усиленно внедряемым в позднесоветские времена понятием "развитой социализм". Роль, подтверждающая успехи в формировании гражданского общества и демократического государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аргументы и факты. 2008. N 23.
Аргументы и факты. 2009. N 19.
"Аргументы и факты". 2011. N 27.
Барсукова С. Ю. Стратегии сращивания власти и бизнеса // Свободная мысль. 2006. N 3.
Богомолов О. Т. Нуждается ли рынок в нравственности? Взаимодействие экономики, политики, культуры и морали в переходных обществах / Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ) М., 2006.
Вдовин А. И. Россия после августа 1991 года: проблемы и подходы к изучению истории // Мир и политика. 2009. N 12.
Вебер М. Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 694.
Ведомости. 2011. 24 января.
Гаман-Голутвина О. В. Бюрократия или олигархия? // Куда идёт Россия?
Власть, общество, личность. М., 2000.
Гринберг Р. С. Парадоксы глобализации и Россия. М., 2007.
Гудков Л. Д. Неклассические задачи социологии: "Культура" и мораль посттоталитарного общества // Пути России: культура-общество-человек. М., 2008.
Гудков Л. Д. Пустая страна // Новая газета. 2011. 11 июля.
Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Средний класс 'as if': мнения и настроения высокодоходной молодёжи в России // Вестник общественного мнения. 2008. N 3.
Двадцать лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад. М., 2011. Европа. 2010. N 4.
Заславская Т. Н. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М., 2007.
Злобин Н. Это политический кризис // Ведомости. 2009. 3 марта.
Известия. 2005. 21 июля.
Капиталист. 2004. N 9 (77).
Костиков В. Российский бизнес не осознаёт себя как созидательный класс // Аргументы и факты. 2007. N 29.
Куда идёт Россия. Белая книга реформ / *Сост. Кара-Мурза С., Батчиков С., Глазьев С. М.*, 2008.
Литературная газета. 2005. N 32.
Лукин А. В. Демократия или кланизация? Эволюция взглядов западных исследователей на перемены в России // Политические исследования. 2000. N 3.
Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.
Московский комсомолец. 2005. 8 июня.
Никонов В. Кто же такие русские? // Этнодиалоги: альманах. 2009. N 1(30).
Новая газета. 2006. 29 ноября.
Новая газета. 2009. N 74.
Римашевская Н. Человек и реформы: Секреты выживания. М., 2003.
Роик В. Д. Основы социального страхования. М., 2004.
Российская газета. 2006. 22 июля.
Российская газета. 2007. 28 ноября.
Российская газета. 2007. 9 февраля.
Самсон И., Красильникова М. Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф? // Вестник общественного мнения. 2010. N 4(106).
Седов Л. Кошелёк и взгляды на жизнь // Независимая газета. 2008. 11 июля.
Согрин В. В. Противоречивые итоги // Общественные науки и современность. 2010. N 2.
Социальные неравенства и социальная политика в современной России / Отв. ред. *Горшков М. К., Тихонова Н. Е.* М., 2008.
Тамаш П. Постперестройка // Мир перемен. 2005. N 4.
Труд. 2008. 11 февраля.
Труд. 2008. 17 марта.
Хлебников П. Крёстный отец кремля Борис Березовский или история разграбления России. М., 2001.
Шестакова Е., Соколова Т. Бедность и неравенство в постсоциалистических государствах // Мир перемен. 2008. N 1.
Шкартан О. Российская "псевдоэлита" и её идентификация в мировом контексте // Мир России. 2011. N 4.